

Черноволосый Омега с кудрявыми волосами вспыхнул, словно обжегшись, и резко отдернул ладонь, лежавшую на плече Хасэгавы Тору. Он выпрямился, увеличивая дистанцию между ними, и на мгновение онемел, не в силах вымолвить ни слова.

Что это? Что он вообще творит? Неужели их отношения зашли так далеко, что допустима подобная близость?

Да есть ли у этого парня хоть капля осознанности, что он Альфа?

Феромоны, заполнившие комнату и до крайности гармонизировавшие друг с другом, в отсутствие агрессии со стороны одного из них быстро сплелись в единое целое, став пугающе уютными. Даже если Мацуда Дзимпей не желал этого признавать, ему пришлось столкнуться с реальностью лицом к лицу.

— Дурак ты! — воскликнул он, пытаясь скрыть собственное смущение, хотя его красивое лицо всё еще горело румянцем. Он опустил голову, стараясь нанести удар первым, но наткнулся на взгляд, полный абсолютного доверия.

В уголках глаз Хасэгавы еще блестела влага, оставляя красноватый след, отчего маленькая родинка на переносице казалась еще ярче. Прямой нос, пухлые губы, лишаящие черты лица привычной остроты, — сейчас эти губы были искусаны до ярко-алого цвета.

Мацуда Дзимпей затаил дыхание, быстро отвел взгляд, но уже в следующую секунду, словно не желая признавать поражение, снова уставился на него.

— А? — Альфа, которого снова называли дураком, в недоумении смотрел на него.

Если говорить о росте, Хасэгава Тору был выше Мацуды на пять-шесть сантиметров. Но из-за того, как они сидели, ему приходилось слегка задирать голову, чтобы смотреть на Мацуду.

Этот взгляд, наполненный доверием, всегда заставлял сердце дрогнуть.

В груди забилось что-то чужое — сердце стучало неровно, взволнованно. Мацуда Дзимпей понимал: это лишь реакция организма на слияние феромонов с высоким уровнем совместимости, а вовсе не его собственные чувства. Но, глядя на этого Альфу, чье растерянное выражение лица выглядело до невозможности милым, он невольно сглотнул, и его кадык нервно дернулся.

Хасэгава Тору не знал, насколько сложная буря эмоций разыгралась в душе его друга-Омеги, и продолжал изо всех сил стараться — он решил, что если его только что отругали, значит, он недостаточно старался.

Он словно наконец понял слова Мацуды, сказанные ранее, и старался не думать о том, что

сидящий перед ним человек — его близкий друг.

Аромат колокольчиков в воздухе стал гуще, и когда Мацуда Дзимпей опомнился, ситуация, казалось, изменилась.

В феромонах Альфы проступила редкая, но ощутимая агрессия.

Разные цветочные ароматы сплелись в пространстве, словно золотистый янтарь, катящийся по лесу из металла. Казалось, даже солнечный свет пролился внутрь, становясь таким обжигающим, что хотелось сжаться и раствориться в этом тепле.

Мацуда Дзимпей стиснул зубы, уперся руками в спинку дивана так, что побелели костяшки пальцев, а его дыхание стало прерывистым. Железа на затылке словно напомнила о себе, под кожей в том сокровенном месте появилось странное ноющее ощущение.

Он не хотел уступать и попытался подавить Альфу собственными феромонами, но тот явно перестал быть таким покладистым, как в начале.

В конце концов, Мацуда Дзимпей обессиленно откинулся на спинку дивана и, махнув рукой, прохрипел:

— Стоп, стоп. Перерыв. Дай отдохнуть.

На небольшом диване, предназначенном явно не для двоих взрослых мужчин крепкого телосложения, стало тесно. Но Мацуда Дзимпей сейчас не хотел шевелить и пальцем.

Он повернул голову, черные кудри разметались, а в полуприкрытых глазах, казалось, мерцали искорки.

Хотя считается, что у Альфы выносливость намного выше, психологическое напряжение измотало обоих.

Концентрация двух смешавшихся феромонов в комнате была пугающе высокой. Если бы сюда вошел Омега с низкой сопротивляемостью, его бы, скорее всего, просто прижало к полу.

— Кстати, — внезапно спросил Мацуда Дзимпей, голос его все еще звучал хрипло, — почему ты решил стать полицейским? Мне правда любопытно.

Точнее, любопытно не только ему, а, наверное, многим. Ведь прецедентов, чтобы Альфа поступал в полицейскую академию, еще не было — это уникальный случай, который наверняка вызвал протесты со стороны политиков с их косными, феодальными взглядами о том, что Альфы — высшая каста. От таких мыслей воротило.

Хасэгава Тору замер, не ответив сразу.

— У нас теперь сеанс откровений, Дзимпей? — спросил он. В его голосе, когда он произносил имя, слышались ласковые нотки, похожие на виляние хвостом у щенка.

— А, — лениво отозвался Мацуда, — можешь считать и так.

Они сидели, прижавшись друг к другу на маленьком светлом диванчике. Полицейская форма из весенней коллекции была тонкой, и сквозь нее легко передавалось тепло тел.

Почему он стал полицейским?

Можно было ответить заученной фразой, которую он повторял уже не раз, но Хасэгава Тору, казалось, впервые задумался об этом так глубоко.

Делай то, что хочешь, и следуй за светом в своем сердце.

Нежные слова господина снова прозвучали в ушах.

Поначалу он поступил в академию лишь по поручению господина, приняв на себя тяжелую ношу — вывести всех на свет. Но позже желание стать полицейским проросло в его сердце по-настоящему.

Он хотел видеть, как люди живут спокойно не только ночью, но и под защитой дня. Больше никаких взрывов в офисных зданиях или ресторанах, где когда-то было уютно. Он не хотел больше видеть ничего подобного.

Мацуда Дзимпей все еще ждал ответа.

Шатен внезапно улыбнулся.

Несмотря на красноту в уголках глаз и на носу от недавнего напряжения, его улыбка была такой ослепительной, что весь свет вокруг померк.

— Потому что я хочу увидеть самое прекрасное будущее!

Мацуда Дзимпей замер на несколько секунд, а затем неловко отвернулся:

— Что за глупости, слишком пафосно.

Но это было не так. Лишь сердце, пропустившее удар, признавало: что-то внутри него отозвалось на родственную душу.

Альфа, знаящий, что такое взаимность, перебросил вопрос обратно:

— А ты, Дзимпей?

Мацуда Дзимпей подавил нахлынувшее волнение, прочистил горло и ответил:

— Я? Просто хочу как следует врезать шефу полиции.

Хасэгава Тору:

— ?

Хасэгава впервые слышал, чтобы это могло быть причиной для поступления в академию. Он растерянно посмотрел на него и осторожно уточнил:

— А если стать полицейским... можно будет врезать шефу полиции?

Мацуда Дзимпей:

— ...

Он упрямо добавил:

— А почему нет? На выпускном церемонии шеф полиции всегда выступает с речью. Вот тогда я и натяну ему мешок на голову у заднего выхода.

Не дожидаясь реакции Альфы, он быстро сменил тему:

— Ты отдохнул? Тогда давай еще раз!

Хорошо, что Хасэгаву Тору было так легко обмануть — Омега без труда пустил ему пыль в глаза.

—

Мацуда Дзимпей, конечно, не мог заявиться в общую душевую, пропахнув феромонами Альфы.

К счастью, в общежитии для Альф были отдельные ваннные комнаты, и так как он был первым, кто заселился, то стал единственным обладателем этой привилегии.

Окутанный влажным паром, он собирался пройти через узкий проход, но остановился, заметив фигуру, ожидающую его в тени. Человек услышал шаги и поднял голову, показывая лицо.

— О, не Фурю ли я вижу? — Мацуда вызывающе усмехнулся. — Что, у нашего отличника есть ко мне дело?

— Ничего особенного, просто чувствую, что ты ко мне равнодушен, — Фуруя Рэй приподнял бровь. — Как раз кстати, у меня те же чувства.

Правил в академии было много, но это не мешало Мацуде Дзимпею и Фуруе Рэю тайком выбираться на разборки после полуночи, когда инструкторы уходили с обхода.

Старые и новые обиды смешались, и золотоволосый парень с темной кожей дрался яростно. Впрочем, кудрявый парень напротив тоже не сдерживался.

На следующее утро, когда они оба появились перед остальными с синяками и ссадинами, Хасэгава Тору был в шоке.

— Дзимпей, у тебя даже зуб выпал... — во время наказательного бега шатен с тревогой спросил: — Тебе же нужно вставить его, да?

При этих словах его слегка передернуло.

В детстве Хасэгава Тору обожал сладости, из-за чего у него появилось два кариеса. К счастью, это были молочные зубы, но образ врача в белом халате с жужжащей бормашиной навсегда оставил в его юной душе неизгладимый ужас.

Мацуда Дзимпей хихикнул:

— Да пустяки, это все равно был фальшивый зуб, зато я победил...

Фуруя Рэй, услышав это, тут же возмущенно вмешался:

— Вообще-то, это я победил!

Они тут же начали спорить, не желая уступать друг другу. Хасэгава Тору, устав от того, что его зажали между ними, отстал на пару шагов и, поравнявшись с Морофуси Хиромицу, вздохнул:

— Рэй и Дзимпей так дружны.

Два Омеги впереди споткнулись, а Датэ Ватару, словно держа двух котят, схватил их за шиворот и потащил обратно.

Морофуси Хиромицу рассмеялся.

Он знал, что думает Хасэгава Тору. С тех пор как он и Зэро сказали ему, что ссоры с друзьями — это нормально, у Альфы сложилось странное впечатление об их отношениях.

Омега как бы невзначай спросил:

— Тору, как прошла тренировка с Мацудой вчера? Тебе нужна помощь сегодня вечером?

В ответ он услышал радостный отказ Альфы:

— Не нужно, Хиромицу! Дзимпей сказал, что он справится сам, сегодня он снова придет.

Хагивара Кэндзи: ?

Хагивара цокнул языком: ну и ну, Дзимпей, вот это напор!

Морофуси Хиромицу: ...чувство опасности мгновенно обострилось!

— Вот как, — он моргнул своими ярко-голубыми кошачьими глазами, в уголках которых светилась искренняя забота. — Но ведь на официальных занятиях тебя будет сопровождать не Мацуда. Может, попробуешь сегодня другие феромоны?

Морофуси улыбнулся:

— Я буду рад помочь тебе, Тору.

Шатен был в замешательстве:

— Но я же обещал Дзимпею...

— Мацуда сегодня вечером идет к стоматологу, или ты хочешь пойти с ним? — Морофуси не спеша расставлял ловушки для своей добычи.

Услышав про стоматолога, Хасэгава Тору решительно замотал головой:

— Нет... я не пойду. Тогда я позже скажу Дзимпею.

Морофуси кивнул, не выдав лишних эмоций, словно он просто помогал Альфе решить проблему, без всякого личного интереса.

Хагивара Кэндзи с глубоким смыслом посмотрел на Фурую Рэя, который все еще продолжал ожесточенно спорить с Мацудой Дзимпеем, и мысленно сделал пометку: никогда не злить Морофуси Хиромицу.

Прости, Дзимпей, я правда не могу помочь тебе в этой борьбе.

Враг слишком силен и слишком хорошо умеет пользоваться информацией и доверчивостью своей добычи.

<http://bllate.org/book/18699/1807262>